

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-661-669

Ещё раз о пророческой миссии русского писателя (на материале романа Ю.В. Бондарева «Берег»)

Людмила Евгеньевна ХВОРОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ xworowa.mila@yandex.ru

Аннотация. Продолжаются поэтико-философские исследования автора данной статьи о творчестве крупнейшего русского советского прозаика, участника Великой Отечественной войны Ю.В. Бондарева (1924–2020). На основе исследования романа «Берег» (1975) и публицистических высказываний писателя середины 1970-х гг. XX века в рамках культурно-аксиологической парадигмы предпринята попытка осмысления одного из центральных диалогов представителей творческой интеллигенции России и Запада. Разговор русского советского писателя Никитина, бывшего фронтовика, посетившего немецкий город Гамбург спустя 26 лет после войны, и немецкого журналиста-издателя Дицмана прочитывается как своеобразная философская квинтэссенция как данного романа, так и, возможно, творчества писателя в целом. Конфликт России и Запада видится Ю.В. Бондареву в сложнейшей метафизической парадигме борьбы во многом противоположных культурных устоев, несмотря на общую христианскую основу. Констатируется сложность, многомерность, полифонизм бондаревского типа художественного высказывания, его восхождение к традициям русской литературной классики и, прежде всего, в данном случае к творчеству Ф.М. Достоевского. Отмечено ключевое, кульминационное значение указанного диалога-размышления, предпринятого в главе второй части третьей «Ностальгия» Дицмана и Никитина, имеющего некоторое очевидное сходство с автором как для дальнейшего развития характера последнего в поэтико-философском пространстве романа, так и для его художественного «завершения» в финале произведения. Осмыслена актуальность бондаревских метафизических констант в первой четверти XXI века, пророчески выписанных около полувека назад.

Ключевые слова: духовность, Россия, Запад, конфликт, христианская цивилизация, отчуждение, полифонизм, свобода, дискуссия, соборность

Для цитирования: Хворова Л.Е. Ещё раз о пророческой миссии русского писателя (на материале романа Ю.В. Бондарева «Берег») // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 661-669. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-661-669>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Once again about the prophetic mission of the Russian writer (based on material of Y.V. Bondarev's novel "The Shore")

Liudmila E. KHVOROVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internationalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ xworowa.mila@yandex.ru

Abstract. We conduct continuous poetical and philosophical research on the work of Y.V. Bondarev (1924–2020), the greatest Russian Soviet prose writer and a participant in the Great Patriotic War. Based on the study of the novel "The Shore" (1975) and the writer's journalistic statements of the mid-1970s of the 20th century, within the framework of cultural-axiological paradigm, we attempt to comprehend one of the central dialogues between representatives of the creative intellectuals of Russia and West. The conversation between Russian Soviet writer Nikitin, a former front-line soldier who visited the German city of Hamburg 26 years after the war, and the German journalist and publisher Dietzman is read as a kind of philosophical quintessence of both this novel and, possibly, the writer's work as a whole. The conflict between Russia and West is seen by Y.V. Bondarev in the most complex metaphysical paradigm of the struggle of largely opposite cultural foundations, despite the common Christian basis. We state the complexity, multidimensionality, polyphonism of the Bondarev type of artistic expression, its ascent to the traditions of Russian literary classics and, above all, in this case to the work of F.M. Dostoevsky. We note the key, culminating significance of this dialogue-reflection undertaken in the chapter of the second chapter of the third part "Nostalgia" by Dietzman and Nikitin, which has some obvious similarities with the author both for the further development of latter's character in the poetical and philosophical space of novel, and for its artistic "completion" in work finale. We comprehend the relevance of Bondarev's metaphysical constants in the first quarter of the 21st century, prophetically written out about half a century ago.

Keywords: spirituality, Russia, West, conflict, Christian civilization, alienation, polyphonism, freedom, discussion, collegiality

For citation: Khvorova L.E. Eshche raz o prorocheskoy missii russkogo pisatelya (na materiale romana Y.V. Bondareva «Bereg») [Once again about the prophetic mission of the Russian writer (based on material of Y.V. Bondarev's novel "The Shore")]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 661–669. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-661-669> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В 1976 г., почти синхронно с публикацией нового романа «Берег», Ю.В. Бондарев в статье «Имя этого судьи – правда» с горечью подчёркивал: «Главная проблема Запада – пропасть между духовными запросами человека и его материально-плотским существованием, – рождает отчаяние в тщетном искании жизнеспособной моральной доктрины» [1, т. 6, с. 176].

Вопрос в «Береге», однако, поставлен глубже и трагичнее. Не могут ли проблемы, актуальнейшие в послевоенной Западной Ев-

ропе, стать со временем всеобщими, объединяющими не только всех не любовью, а, как это ни парадоксально – «отъединением»? Ведь, как с болью рассуждал писатель, в современном ему мире 1970-х гг., со стремительно развивающимся научно-техническим прогрессом всё сложнее и сложнее, да и практически невозможно отгородиться странам, народам друг от друга. «Человечество объединено единым земным шаром, в двадцатом столетии он стал удивительно тесен, чрезвычайно уменьшен невероятными ско-

ростями и устройствами новой науки», – уточнил он в той же статье. На Западе, к примеру, искусство, подобно спорту, давно, по его мнению, «превратилось в прибыльную коммерцию» [1, т. 6, с. 176].

Нет никакого сомнения, что «конфликт России и Запада постепенно приобретал в его романах и публицистике метафизическую глубину», по справедливому мнению Л.С. Шкурат. Он поэтапно начинал осознаваться, как она подчёркивала, «как борьба христианских и антихристианских начал в мире» [2, с. 106]. В нашем контексте понимания, однако, проблему необходимо несколько уточнить. А не конфликт ли это в большей степени внутренний, конфликт *внутри* христианской цивилизации, развивающийся на протяжении многих веков?

Вадим Никитин, приехав в Гамбург, спустя двадцать шесть лет после войны, погружается не просто в антихристианский мир. На послевоенном Западе, по выражению его собеседника и оппонента журналиста Дицмана, «старые боги и добродетели умерли, их нет и нет, к примеру, уже понятия прежней семьи, любви, брака» [1, т. 4, с. 316]. Отчуждение, отъединение – понятия с таким семантическим наполнением, когда решительно перечёркнуты без какого-либо сожаления, без борьбы все допустимые грани, весь прежний привычный образ жизни. То, что видит Никитин в реалиях ночного западногерманского города, – это уже даже не признаки антихристианства, а приметы всякого отсутствия обычной, скажем так, «светской» нравственности, всяких норм приличия.

Мир откровенного продажного секса, наркоманов и проституток – вот что предстаёт взорам Никитина и его спутника на улицах ночного Гамбурга. Вместо людей их окружают «чёрные толпы». Реалии германского города глазами Никитина и Самсонова изображаются, как «современный Содом, мир <...> духовной смерти» [2, с. 107]. Журналист и издатель Дицман абсолютно адекватно всё объясняет. Диалог его с Никитиным строится по следующему принципу: немец предельно откровенен, Никитин – вежлив и корректен. Внутренне он потрясён всем увиденным и произошедшим с ним в современной Германии, однако это откровенное состояние Бондарев почти очевидно

отправляет в подтекст. «Подтекстное» потрясение героя объясняется с помощью ретроспективно-ассоциативных глав, где читатель встретится с героями в мае 1945 г. в поверженной Германии.

В современном писателю литературоведении обычно объяснялось состояние Вадима Никитина и его внезапное физическое состояние на обратном пути домой, прежде всего, неожиданной встречей с Эммой и «возвращением» героя в мир воспоминаний и грёз. Это, разумеется, так, однако, думается, что это неполное прочтение. Будь только в этом дело, не было бы смысла говорить о художественно-философской «спирали Бондарева». Никогда не следует забывать о невероятной сложности, многомерности, полифонизме бондаревского типа художественного высказывания. На наш взгляд, диалог, имеющий место между западногерманским журналистом Дицманом и русским писателем Никитиным перед открытой аудиторией в главе второй части третьей «Ностальгия» о происходящем в мире, имеет едва ли не ключевое значение для дальнейшего развития характера Вадима Никитина и его «завершения» – в финале романа.

По степени обнажённости и даже безжалостности суждений, по масштабу высказанных мыслей представителей двух противоположных духовных и социальных систем и, вероятно, все же можно сказать, цивилизаций, этому диалогу трудно найти аналоги в современных писателю произведениях середины 1970-х гг. других авторов, а возможно, и созданных позднее. Показательно, что откровенную «правду-матку» безжалостно «режет» представитель «побеждённой» стороны. В самом деле, гражданин поверженной и тем самым униженной Германии перечисляет гигантское количество материальных благ, грубо уточняя при этом, что «немцы зажрались, как свиньи»; его собеседник Никитин вежливо корректирует разговор.

По логике Дицмана, Западная Германия потеряла память, да она ей и попросту не нужна, поскольку все материальные блага приобрела и в этом смысле вышла победителем. Победителем она стала потому, что выиграла, по Дицману, войну экономическую. Победу немецкий журналист называет «парадоксальной», так как в «период железного

занавеса» между Западом и Востоком «Америка начала вкладывать миллионы долларов в разрушенную германскую промышленность, очень широко открыла западным немцам кредиты, ввезла современное оборудование. <...> И наступил бум, что значит – обилие всех товаров, стабильная марка, расцвет экономики...» [1, т. 4, с. 315]. Дицман даёт понять Никитину, что страшные сороковые годы давно забыты западным немцем, «он живёт в новом измерении, он сыт и не помнит про карточки и эрзацы» [1, т. 4, с. 315]. Собеседник Никитина высказывает опасение, что и Советский Союз также может «зажратся» через какое-то количество лет, и тоже «исчезнет духовная жизнь»: машина, квартира, загородный коттедж, холодильник станут богами, как на Западе» [1, т. 4, с. 315]. И далее – очевидно, самое страшное резюме как для Никитина, так и для автора: «И вы постепенно забудете сороковые годы, войну, страдания...» [1, т. 4, с. 315]. Страшно забвение для автора и его героя, разумеется, не в возможном материальном благополучии, а, конечно же, в потере духовности – той, что всегда составляла самое существо их родины. Вопрос для Бондарева и его героя Никитина гораздо глубже, он лежит в метафизической плоскости: возможно ли следование духовности в «сытом» и «овеществленном» обществе, где всё решают денежные знаки, а боги – это даже уже не много ликов, как в язычестве, а вещизм? На предложение неверующего в Абсолют Дицмана скрестить христианство с марксизмом Никитин возражал пафосно, и, в конце концов, спор вывел оппонентов на размышления о Ф.М. Достоевском. Самое главное у Достоевского, по оценке западного журналиста, – «тонко рвущаяся грань... между добром и злом». И это наиболее интересная сторона внутреннего мира современного человека, зыбкость границы, – это ваш Достоевский, самое главное в его романах, которые пользуются на Западе большой популярностью» [1, т. 4, с. 319].

Уточнения Никитина принципиальны. Главное в Достоевском, по его мнению – поиск истины в человеке и поиск Бога в мире и в себе. В конце концов, в контексте рассуждений о Достоевском Никитин признаётся, что, по его убеждению, «существует в мире абсолют» [1, т. 4, с. 319-320]. Принципиаль-

ный спор, в котором упоминаются и идеи Маркса чуть ли ни в контексте с Достоевским, весьма скептически относившегося к идеям немецкого классика экономики, на самом деле касается основополагающих вопросов: а возможен ли «чистый марксизм», экономическая теория, вне духовно-культурных основ? По философскому исследованию А.В. Лесевицкого, «Ф.М. Достоевский, как и некоторые представители экзистенциальной философии, критикует философские системы Г. Гегеля и К. Маркса. В глобальных системах этих мыслителей человек выступает либо одной из миллионов песчинок познания Абсолютным духом самого себя, либо, как в философии К. Маркса, *личность есть лишь слепок экономических отношений, царящих в обществе*. В теории К. Маркса, например, отстаивается концепция пролетарской революции, в которой «идеальное» коммунистическое общество выступает как цель, а жизнь представителей привилегированных сословий как средство. Ф.М. Достоевский глубоко исследует эту этическую проблему в романе «Братья Карамазовы», квинтэссенцией которого является постулат о том, что личность есть высшая цель, но никогда не средство достижения социального прогресса» (выделено нами. – Л. Х.) [3].

На самом деле на выделенный нами вопрос о соотношении марксизма и о том, устоит ли общество исключительно и только на чисто-экономическом базисе, – ответ очевиден. Он – в миропредставлении и поведенческом кредо Дицмана. А его кредо таково. Он не женат и не потому, что не встретил настоящую любовь, а по той причине, что это его принципиальная позиция. Любовь в современном обществе для него «лишена ложных предрассудков, и свободной цивилизацией опрокинуты ложные сигналы «стоп»; «архаичные запреты, которые сковывали свободу человеческих чувств между ним и ею, или... между ним и ним, или ею и ею... Каждый свободен в выборе партнера». Никитин, безусловно, догадывается, что речь идёт о гомосексуализме, об «извращённой любви». Духовности нет, а есть лишь телесный культ: «в эпоху сексуального взрыва... сорваны все покровы с человеческого тела» [1, т. 4, с. 320].

Примечательно, что Дицман всё понимает и, вполне возможно, различает важные, принципиальные для Ф.М. Достоевского грани добра и зла. Как известно, для него были крайне важны, значимы вопросы, осознаёт ли человек, где благо, а где грех, даже если он совершает преступление, понимает ли он эту меру. Так вот, скорее всего, Дицман это понимает, судя по навязанным Никитину в дискуссии проблемам. Однако важный штрих заключается в том, что немецкому журналисту, несмотря ни на какие понимания, *удобно жить* именно так. И он сам признаётся, что всё общество погружается в бездуховную стихию. Наглядная иллюстрация ночного клуба – доказательное тому подтверждение, что из человека сам человек по доброй воле «вытряхнул» всё человеческое. В этом заключалась любимая и в то же время «больная» и трагичная мысль Бондарева как писателя и как человека.

Продолжая дискуссию, Никитин напомнил Дицману, что именно «маньяк из Мюнхена» (Гитлер) назвал себя «вторым Иисусом Христом, мессией, спасителем человечества. От славянской заразы и коммунизма. И пятьдесят шесть миллионов погибло в Европе и Азии» [1, т. 4, с. 318]. Никитин констатирует истину, неоднократно высказанную в исторических документах. Достоевское «человекобожество» (противоположность, как известно – «Богочеловек»), хотя и не называется таковым открыто на страницах романа, тем не менее, подоплека рассуждений абсолютно очевидна. Если Никитин просто констатирует открытую Достоевским истину, то Дицман явно запутан в своём мировоззрении, когда заявляет, что он – «неверующий» и «не верит в очистительных мессий» [1, т. 4, с. 317]. Понятно, что он не верит в Божественный Абсолют, однако не верит в разновидности так называемого «человекобожества». Дицман, рассуждая о некой абсолютной свободе, не понимает, что попадает в зависимость, то есть в несвободу от прагматизма, поклонения вещиству. То есть, в оценке «свобода – несвобода» он противоречит сам себе, попадая под влияние им же «сформулированных» «богов». Машина, квартира, холодильник, загородный коттедж – вот современные «боги».

В принципе, сам журналист называет «нового Бога»: «Истоки и модель – Америка» [1, т. 4, с. 316]. И здесь вновь вспоминается Ф.М. Достоевский, контур поведения Свидригайлова («Преступление и наказание»). Как известно, приняв где-то, в тайниках своей души, решение о самоубийстве, этот «загадочный» (потому что «новый», в середине 1860-х гг. не вполне понятный) персонаж объявляет о своём решении перебраться в Америку. Его решение, разумеется, воспринимается как некий символ. В данном случае решение о «переезде в Америку» тождественно самоубийству. И Свидригайлов это понимает. Он отдаёт себя Дьяволу (как известно, самоубийство – непростительный грех, высшая степень отъединения, с точки зрения Православия). Свидригайлов – «духовно нечистоплотный», соблазнитель детей, совершающий на протяжении своей жизни массу других отвратительных, богопротивных поступков. Фактически отрицающий любовь, он, в конце концов, по-своему «наказан» любовью к Дунечке. Сопровождая последние описания его поведения накануне страшного и решительного шага, Достоевский строит повествование на границе «явь – сон – бред»: в средствах поэтической выраженности он был уникален, вопреки некоторым утверждениям среди аналитиков его творчества.

Возвращаясь к роману середины XX столетия, мы обнаруживаем, что пророчества писателя сбываются потрясающим образом. Человечество (напомним, что Бондарев на протяжении всего своего творческого пути старался постичь человека, сберечь его) в 1970-е гг. находится на пути обречения себя на духовное самоубийство. И средства поэтической выраженности в «Береге» также повторяют некоторые «достоевские» принципы художественного письма как в плане содержания, так и формы. Бондарев, к примеру, как и в ранних произведениях, активно использует приёмы «сна-яви» в разных ситуациях и с различными целями. Так, в описываемом нами диалоге Дицмана и Никитина немецкий журналист даёт весьма жёсткую характеристику современному западному человеку: по его мнению, это «...химически очищенный, оголённый субъект рода человеческого, который двигается, как во сне» (вы-

делено нами. – Л. Х.). По мнению Дицмана, независимая частная жизнь становится невозможной, «возникло бессилие человека перед эпохой, расщепление личности проблемами: а зачем, а что дальше?» [1, т. 4, с. 323].

Ещё одна особенность – наступление тотального «машинного» века. Об этой серьёзной проблеме в 1970-е гг. высказывались многие деятели культуры, философы, историки и даже сами физики. Так, в частности, академик Д.С. Лихачёв неоднократно подчёркивал, что бесконтрольное, необдуманное использование достижений научно-технического прогресса может привести к обратному эффекту: человек попадет в серьёзную зависимость от машинной цивилизации и, в конце концов, это может обернуться духовной катастрофой для человечества в целом. Об этой опасности писал и Ю.В. Бондарев на страницах своих публицистических произведений. «Когда мы говорим о научно-технической революции, <...> о высокомеханизированной цивилизации двадцатого века, мы, конечно же, думаем о науке, как об импульсе прогресса, как о рычаге, поворачивающем индивида не к миру вещей, его поглощающих, а к духовному богатству для всех» [1, т. 6, с. 177]. И далее – самое важное, что должен усвоить человек во взаимодействии и непосредственном контакте с техникой. «Подчиняясь нравственным законам, человек должен осознать, что век электроники и кибернетики, господство машин – это не самоцель, не прогресс ради прогресса, а ступень исторической судьбы человечества, рубеж познания, через который ему суждено пройти, если издержки цивилизации – засорение биосферы (основы людского существования), смог над перенаселёнными городами, различные токсические соединения, отравленные реки и водоёмы, предельные децибелы – не создадут угрозу для существования самого совершенного биологического вида на Земле.

Люди готовы обвинять технику, забывая о том, что техника подчинена людям, действительным виновникам убийства природы, а значит, вместе с ней и самих себя» (выделено нами. – Л. Х.) [1, т. 6, с. 177].

Выделенное нами – типичный тезис, который отстаивался многими представителями советской интеллигенции в те годы от-

кровенно, дружно, принципиально и жёстко. Достаточно вспомнить, к примеру, так называемую «проблему Байкала» – серьёзные дискуссии на страницах печати, радио и телевидения – доминирующих в те годы средств массовой информации. Однако от представителя западной цивилизации слышится откровенно противоположное. Став рабами тотальной системы потребления, представители западной интеллигенции уже дошли до того, что считали самого человека «извращением природы» [1, т. 4, с. 323]. На это утверждение Дицмана Никитин возразил: «Человек на земле – не случайность. Это, как известно, частица природы, познающая саму себя» [1, т. 4, с. 325].

Дискуссия оппонентов движется по такой траектории, что выводит и на обсуждение роли науки как в современном обществе, так и в целом. В свою очередь, Дицману не откажешь в начитанности и разумности. Поэтому в вопросе Никитину о формуле Э. Золя, что он, якобы, «знает о человеке всё», слышится определённая провокационность. Ему важно услышать ответ Никитина, поскольку, с одной стороны, он уверен, что ответ будет иным, а с другой – он, как антипод советской системы и установок советской методологии, убеждён, что ответ будет именно в этом ключе. Однако Никитин вольно или невольно выступает сторонником традиционных концепций русской литературной классики о непознаваемости мироздания. Он выступает оппонентом концепции Золя и в целом натурализма и цитирует известное высказывание А.П. Чехова, не называя его фамилии, о том, что «никто не знает настоящей правды».

Спор представителей двух противоположных систем и взглядов, однако, значительно глубже, чем может показаться на первый взгляд. Он восходит вообще к роли науки в «обнаученном» обществе (выражение Дицмана). В Советском Союзе в те годы, кстати, также велись оживлённые дискуссии на эту тему (например, известные споры «физиков и лириков»). Никитин решительно стоит за ту точку зрения, которой придерживается и сам автор: поклоняться науке, как божеству, крайне опасно. В финале романа возвращающийся домой Никитин, находясь в холодном воздушном пространстве, вспо-

нил слова одного молодого знакомого физика: «Смысл существования человечества <...> в ускоренном движении, в завоевании всего космоса, а потом – вселенной. Но в теории относительности есть одна загадка: если скорость превысит скорость света, то куда приведёт нас беспредельно увеличенное движение – в будущее или в прошлое? Представьте, что это забросит нас не на Марс, а вернёт в эпоху Киевской Руси» [1, т. 4, с. 397]. Зачем человеку всё это? – таковы были мысли Никитина на пороге его постижения вечности.

В этой связи стоит процитировать высказывания практически их современника Архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), одновременно и врача, и профессора (учёного): «Наука – это система достигнутых знаний о наблюдаемых нами явлениях действительности <...>. ...область точной науки ограничена так же, как ограничены и органы научного познания в своей познавательной способности. <...> Странно было бы утверждать, что наука знает или может знать всё бытие. <...> Знание больше, чем наука. Оно достигается и теми высшими способностями духа, которыми не располагает наука. Это, прежде всего, интуиция, то есть непосредственное чутьё истины, которое угадывает, прозревает её, пророчески предвидит там, куда не достигает научный способ познания. Эта интуиция всё более (в последнее время) занимает внимание философии. Ею мы живём гораздо больше, чем предполагаем. Она-то ведёт нас в другую, высшую область духа, – то есть в религию» [4, с. 2-4].

Вполне возможно, что Дицман также был бы согласен с этим очень важным тезисом Луки, однако, как мы уже заметили из содержания сложнейшего и многоаспектного диалога, Дицману *удобно* принимать всё происходящее в мире без Духовного Абсолюта. Но если боги превращены в *сознании человека в вещизм*, то, в самом деле, по этой логике, и сам человек, рано или поздно станет тем, кем (или чем!) его представляет Дицман: очищенным и оголённым субъектом. Этого очень опасался сам Ю.В. Бондарев и высказывал подобные мысли в одной из своих более поздних работ, уже в XXI веке, и именно касательно противоположности двух цивилизаций в духовном плане: «Аме-

риканская и русская цивилизации несовместимы, немыслимо далеки друг от друга, неизмеримо противоположны. Американская цивилизация – сугубо приземлённая (несмотря на небоскрёбы), грубо материальная, прочного серого цвета, алчно-потребительская. <...> Русская цивилизация со всей её культурой, вариантами, вариациями тонкостями и оттенками по сути своей сплошь духовная, то есть поднебесно-божественная, устремлённая ввысь» [5, с. 30].

Если продолжить рассуждения Бондарева в рамках его логики, то статус «человекобога» (по терминологии Достоевского) в XX–XXI веках получает уже даже не человек, а государство. Это предположение, разумеется, нуждается в уточнениях. В 30-е гг. XX столетия подобная трагедия произошла в Германии, и миру стоило многих жертв, чтоб избавиться от этого гнояника. После победы 1945 г. постепенно подрастал новый монстр. А по тому, что происходило в Германии, хорошо известно, что идеи были заразительны для широких масс населения. Заразительны настолько, что в речах Дицмана так или иначе проскальзывало разочарование, что идея нацизма, в которую верили, не оправдала себя, потерпела крах.

Вроде бы не принимая во внимание духовность, Дицман в финале общения всё же задаёт вопрос Никитину, испытывает ли он ненависть как к нации, которая воевала против России? На что, естественно, Никитин ответил, что никакой ненависти у него нет.

В результате дискуссии обнаруживаются и диаметрально противоположные взгляды на природу войны. Дицман приводит утверждения западных историков, которые высказываются, что «пролитая кровь – это смазочный материал истории, что это закономерность и необходимость, так как вся история – это кровь» [1, т. 4, с. 328]. Согласиться с подобным утверждением Никитин, разумеется, никак не мог. На вопрос о том, что это, очевидно, одна из трактовок современных неонацистов, Дицман замечает, что так считают в Германии очень многие.

Следует особо подчеркнуть, что художественный почерк Бондарева – это максимально корректное, аккуратное повествование, без резких высказываний в адрес даже отнюдь недружественных оппонентов. В стилистике

письма он был близок к авторам русской классической литературы, которые, в свою очередь, как правило, избегали или же, по крайней мере, очень старались это делать «тенденции к завершению героев» (И.А. Есаулов), часто пользуясь приёмом «тайны», «недосказанности», широкими возможностями так называемых «открытых финалов». Для конкретного высказывания тех или иных мыслей существовали иные жанры, нежели художественные: публицистические заметки, дневники, различного рода интервью.

Поступал именно так и Ю.В. Бондарев. В период выхода в печать романа «Берег» многократно выступал с высказываниями, какими-либо объяснениями тех или иных поступков персонажей, моментов дискуссий, изображения экстремальных ситуаций, психологических деталей. Так, в частности, в одной из своих статей, написанной ещё в 1967 г., задолго до выхода в свет «Берега», он подчёркивает те ужасающие характеристики фашизма, отголоски которых явно живописуются в романе западногерманской интеллигенцией, в частности, в анализируемом диалоге: «Фашизм – это злоеющее подчинение разума инстинктам, это «сила выше права», взгляд на человека как на взбесившееся животное, достойное кнута и смерти, это педантично рассчитанное убийство миллионов людей, насилие над мыслью, над любовью, над молодостью, это жирно дымящиеся трубы крематориев в концлагерях, выстрелы в затылок, это презрительное отрицание совести как сентиментальности, мешающей нажать спусковой крючок автомата, нацеленного в ясные глаза ребёнка» [1, т. 6, с. 47]. Собственно, в данном высказывании в сжатом виде содержится некая формула, определение того, что позже будет запечатлено в

диалоге Дицмана и Никитина. Великое «пушкинское» воззвание Всевышнего к писателю – «глаголом жги сердца людей» – то есть взывай к их совести, прозрению, совершенствованию, однако без приговора, без открытого осуждения, без суда. Все эти качества – критерии соборного типа мышления. Высказывания Бондарева – писателя более чем через сто лет после Пушкина, уже автора следующего романа «Выбор», ответственного за слово, переступившего порог творческой зрелости, удивительно «расшифровывают» уникальный смысл пушкинского «Пророка»: «...говорить писатель должен без претензий на дидактическое учительство, <...>, оставляя за собой и другими право на сомнения, вопросы и новые поиски. <...>» [1, т. 6, с. 332].

Следующее высказывание писателя воспринимается как некое резюме диалога двух оппонентов: «Мир должно спасти осознанное людьми чувство общей человеческой хрупкости и уязвимости. Все мы живём под одним небом, на одной земле под угрозой равной для всех опасности и гибели. Причём источником зла являются не слепые силы стихии, а сам человек» [1, т. 6, с. 330].

На циничное высказывание Дицмана, что современному миру машин не нужны ни Шекспир, ни Толстой, ни Достоевский, находим ответ в этой же статье: «Современный писатель должен быть подобен колоколу в смертельной беде человечества. Он должен будить и звать: очнитесь, оглянитесь вокруг и вдумайтесь, как и чем мы живём! Писатель призван страдать болью всех людей, отвергая неправоту и унижение человека человеком. И должен будить в душах людей лучшее: чувство справедливости и доброты, ибо нет ничего на свете выше этих качеств» [1, т. 6, с. 333].

Список литературы

1. Бондарев Ю.В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худ. лит., 1986.
2. Шкурят Л.С. Ю.В. Бондарев: творческая эволюция писателя. Липецк: Изд-во Липецк. гос. пед. ун-та, 2016. 364 с.
3. Лесевицкий А.В. Исследование сущности соборной феноменологии творчестве Ф.М. Достоевского // Политика, государство и право. 2012. № 4. URL: <http://politika.snauka.ru/2012/04/255> (дата обращения: 11.09.2020).
4. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Симферополь, 2008. 37 с.
5. Бондарев Ю.В. Мгновения. М., 2009. 719 с.

References

1. Bondarev Y.V. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1986. (In Russian).
2. Shkurat L.S. *Y.V. Bondarev: tvorcheskaya evolyutsiya pisatelya* [Y.V. Bondarev: The Creative Evolution of the Writer]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Publ., 2016, 364 p. (In Russian).
3. Lesevitskiy A.V. Issledovaniye sushchnosti sobornoy fenomenologii tvorchestve F.M. Dostoyevskogo [The study of the essence of cathedral phenomenology in the works of F.M. Dostoevsky]. *Politika, gosudarstvo i pravo – Politics, State and Law*, 2012, no. 4. (In Russian). Available at: <http://politika.snauka.ru/2012/04/255> (accessed 11.09.2020).
4. Svyatitel Luka (Voyno-Yasenetskiy). *Nauka i religiya* [Science and Religion]. Simferopol, 2008, 37 p. (In Russian).
5. Bondarev Y.V. *Mgnoveniya* [Moments]. Moscow, 2009, 719 p. (In Russian).

Информация об авторе

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, xworowa.mila@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>

Вклад в статью: общая концепция, идея, анализ художественного текста, анализ публицистических и научных источников, написание текста статьи, редактирование.

Статья поступила в редакцию 29.07.2021
Одобрена после рецензирования 27.09.2021
Принята к публикации 30.09.2021

Information about the author

Liudmila E. Khvorova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, xworowa.mila@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>

Contribution: main conception, idea, literary texts analysis, journalistic and scientific sources analysis, manuscript text drafting, editing.

The article was submitted 29.07.2021
Approved after reviewing 27.09.2021
Accepted for publication 30.09.2021